Екатерина Погорельская

Город, где забыли чудо



Погорельская Екатерина

Город, где забыли чудо.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72745060
SelfPub; 2025

Аннотация

Говорят, магии больше нет.

Ведьмы исчезли, алхимики потеряли свои знания, а древние порталы закрылись навсегда.

Мир стал серым, логичным, подчинённым науке и технологии.

Но это ложь.

Город помнит.

Мостовые хранят следы заклятий, стены шепчут на забытых языках, а туман по-прежнему скрывает то, что не должно быть увидено.

Магия живёт – в тенях, в воспоминаниях, в тех, кто ещё верит.

Когда Лев и Вера оказываются втянутыми в череду странных событий в старом районе, они начинают подозревать, что всё, что им рассказывали, – ложь.

Старые легенды оживают. И то, что было похоронено, снова поднимается.

Потому что магия никуда не уходила. Она просто ждала.

Содержание

Глава 1. В сердце подземелья. 4
Глава 2. Там, где река шепчет. 27
Глава 3. Затаив дыхание. 52
Глава 4. За светом. 76
Конец ознакомительного фрагмента. 86

Погорельская Екатерина
Город, где забыли чудо.

Глава 1. В сердце подземелья.

Алла сидела в полутемной комнате, обитой звукоизоляционными панелями. Старый плащ висел на спинке кресла, а рядом на столе стояла чашка с давно остывшим чаем. Свет от монитора мягко освещал её лицо, подчеркивая морщины и усталость, глубоко врезавшуюся в черты. Её седые волосы были аккуратно заплетены в тугую косу и собраны наверх шпильками – привычка, от которой она не отказывалась, даже в убежище. Взгляд женщины был устремлён в экран, где транслировалась видеопанорама поверхности – улиц города, скрытых густым белым туманом.

Она прищурилась, стараясь различить силуэты. Где-то в кадре промелькнула тень – слишком быстрая, чтобы быть обычным зверем. Алла затаила дыхание.

– Опять они… – прошептала она себе под нос, щёлкнув мышкой и увеличив изображение. – Полуденница… И Беляна. Когда же вы насытитесь?

Видеокамера, установленная на крыше старого музея, посылала нечеткий, но устойчивый сигнал. Это было их «окно в мир», единственный безопасный способ наблюдать за внешним миром. Выходить наружу было смертельно опасно: с тех пор как город поглотил Туман, все изменилось.

Алла прикоснулась пальцами к экрану, будто хотела стереть серую завесу, висящую над улицами.

– Я ведь помню, какой он был, – тихо сказала она, обращаясь то ли к себе, то ли к экрану. – Город. Живой. Шумный. Весёлый. Даже шум машин казался тогда музыкой. А теперь… Только стоны и скрежет когтей.

Сзади послышались шаги. В комнату вошёл молодой парень – Пётр, один из немногих выживших, кто присоединился к ней в убежище.

– Вы опять за этим, Алла Викторовна? – Он остановился у порога, уважительно, но обеспокоенно глядя на неё. – Вам надо отдохнуть. Вы не спали уже больше суток.

Алла не отвела взгляда от экрана.

– А ты знаешь, Пётр, когда-то я мечтала жить у моря. Слы-

шать шум прибоя, кормить чаек… – Она тихо усмехнулась. – А теперь я живу в подземке и кормлю страх.

– Мы все боимся, – сказал он, подходя ближе и кладя руку ей на плечо. – Но мы держимся. Благодаря вам.

Алла, молча, кивнула. Снова вгляделась в экран. В тумане появились два силуэта. Один двигался плавно, почти танцуя, второй – извиваясь, будто парил.

– Это они, – прошептала она. – Полуденница… и Беляна. Сестры магии и тумана. Проклятье этого города.

На секунду в её глазах вспыхнул огонь. Но затем он угас, уступив место печали.

– Они забрали мою дочку, Пётр. Она больше не вернется. Она исчезла без следа. Моя Лидочка – Алла крепко сжала губы. – Я не могла её защитить. А теперь – слежу, наблюдаю, жду… вдруг увижу хоть тень.

Пётр ничего не ответил. Он просто остался рядом, в молчаливой солидарности, в этой комнате, где свет экрана был единственным источником тепла.

Снаружи по-прежнему витал Туман, пропитанный шепо-

том. А под землей, в глубоком убежище, Алла продолжала смотреть. Потому что в её сердце жила последняя искра надежды – увидеть, понять, дождаться.

– Мы найдём Лидию, я обещаю, – голос Петра прозвучал глухо в бетонных стенах убежища.

Он стоял рядом с Аллой, его пальцы сжались в кулак, а взгляд не отрывался от экрана, где в тумане едва угадывались очертания улиц. Экран слегка мерцал, словно неуверенно подтверждая его слова.

Алла тяжело вздохнула, не оборачиваясь к нему. Она устала надеяться. Устала верить.

– Мы и так ищем уже больше года, – прошептала она, и в этих словах не было ни злости, ни упрёка – только бескрайняя усталость. – Каждый день. Каждый вечер. Каждую ночь.

Пётр опустился на корточки рядом с её креслом, посмотрел на её профиль – строгий, сдержанный, иссечённый тонкими морщинами, как карта памяти.

– Не надо терять надежду, – мягко сказал он. – Ты сама нас этому учила. Что пока жив – не сдавайся.

Алла медленно повернула голову. Её глаза были сухими, но в них было что-то пугающе тихое, почти стеклянное.

– Я не теряю, Петя. Я просто реалистка, – голос её звучал хрипло. – Ты хоть представляешь, что такое – быть одной на поверхности? Целый год. Без еды, без тепла, без живого слова? Среди… этих тварей?

Она отвернулась обратно к экрану. На секунду показалось, что в её зрачках отразился силуэт – высокий, тонкий, в балахоне… но он тут же исчез, словно был лишь игрой света и воображения.

– Она сильная, – сказал он, тихо, почти шёпотом. – Ты сама это говорила.

– Сильная – да. Но не бессмертная. – Алла провела рукой по лицу, устало. – Я просто не хочу лгать себе. Я не могу каждую ночь молиться в пустоту. Я уже не знаю, что хуже: не знать, жива ли она, или представить, что её больше нет.

Пётр сел на пол, прислонившись спиной к стене. Между ними повисла тишина. Где-то вдалеке капала вода, монотонно, почти как метроном их общего отчаяния.

– Когда-то, – сказала Алла после долгой паузы, – я дума-

ла, что магия – это свет, тепло, чудо. Но теперь я понимаю, что настоящая магия – это ждать. Верить. Не сдаваться, даже когда всё внутри говорит: «Хватит».

– Значит, она всё ещё есть, – прошептал Пётр. – Магия.

Она кивнула, почти незаметно.

– Есть. Но не добрая.

На экране снова промелькнула тень. И впервые за долгое время Алла не отводила взгляд. Она всматривалась – не с отчаянием, а с ожиданием. С верой.

Петр, молча, вышел из комнаты, мягко прикрыв за собой дверь. За спиной осталась Алла – неподвижная, как камень, и такая же с тяжёлой душой. Её горе с годами стало частью этого подземелья, как холодный бетон стен или пыль на вентиляционных решётках.

Он прошёл по узкому коридору, освещённому тусклыми, мигающими лампами. В воздухе витал запах сырости и металла. Стены, исписанные старыми отметками и приклеенными листовками – «Пропала», «Осторожно: мутанты в районе вокзала», – казались живыми свидетелями их нескончаемой борьбы за выживание.

«Как мы вообще до сих пор держимся?» – думал он, ускоряя шаг. – «Каждый день одно и то же. Надежда. Разочарование. Снова надежда. Но ради чего? Ради детей… Ради того, чтобы они хоть что-то успели увидеть, кроме серых стен и страха».

Он подошёл к металлической двери жилого комплекса – одной из немногих, что ещё были оборудованы системой распознавания. Приложил ладонь к панели, послышался щелчок, и створки нехотя отворились, пропуская его внутрь.

Жилой отсек представлял собой реконструированную часть старой электроподстанции. Грубые стены, затянутые тканью, кое-где – самодельные полки, лампы из переработанных фонарей, запах тушёной капусты и чего-то жареного.

– Пап! – навстречу ему выбежал сын – высокий, угловатый, с волосами, собранными в неаккуратный хвост. – Ты опять у Аллы? Что там, что-то новое?

Пётр устало кивнул, сбрасывая куртку.

– Пока ничего, Лева. Только тени. Но она видела что-то… говорит, похожее на фигуру. В тумане.

– Фигуру? – появилась дочка, такая же высокая, но сдер-

жанная, со взглядом взрослого человека. – Опять? Или ей показалось?

Пётр замер на секунду. Он не любил разрушать чужие надежды, но и детям лгать не хотел.

– Не знаю, Вера. Может, и показалось. А может… это Лидия. Или кто-то, кто всё ещё жив.

Жена Петра, Ирина, вышла из другой комнаты. Она держала в руках чашку с отваром – лекарством из трав, которое здесь заменяло всё: и чай, и успокоительное, и иногда – иллюзию нормальной жизни.

– Ты выглядишь усталым, – сказала она, передавая ему чашку. – У Аллы опять трудный день?

– Каждый день у неё трудный. Как и у всех нас. – Он сделал глоток и закрыл глаза на секунду. – Я просто не знаю, как долго мы ещё выдержим. Не только физически. Душой.

Ирина положила ладонь ему на плечо.

– Пока мы вместе – выдержим. Ради ребят. Ради памяти. Ради шанса. Кто знает…, может, магия и правда не исчезла. Просто научилась прятаться.

Пётр усмехнулся. Горько, но искренне.

– Или мы просто научились в неё меньше верить.

Он посмотрел на своих детей. Те молча слушали. И вдруг понял – даже если он потеряет надежду, они – не должны. Ради них и будет продолжать искать, надеяться. Пока дыхание есть.

– А может… это кто из волшебников? – тихо сказала Вера, сидя на краю старого дивана, поджав под себя ноги. Её голос прозвучал неуверенно, как будто она боялась произнести это вслух. Как будто само слово «волшебник» стало чем-то запретным в их новом, изломанном мире.

Пётр обернулся к дочери, остановившись посреди комнаты. На его лице мелькнула тень сомнения, но он лишь пожал плечами – жест короткий, будто отмахивался от мысли, но не полностью её отвергал.

– Кто знает… – пробормотал он. – Если есть Полуденница и Беляна, если они действительно существуют – значит, должны быть и те, кто противостоит им. Добрые волшебники. Сторона света. Баланс.

Вера подняла взгляд. В её глазах блестела надежда, почти детская, упрямо цепляющаяся за мечту.

– Но почему они тогда не приходят к нам на выручку? – спросила она. – Почему прячутся? Смотрят, как мы тут гниём под землёй, как люди исчезают?

Пётр глубоко вздохнул и опустился рядом с ней. Он провёл рукой по лицу, будто хотел стереть накопившуюся усталость.

– Может, они просто… не знают. – Его голос стал тише. – Может, то, что происходит в нашем городе – только маленькая трещина. А где-то есть мир, где всё по-прежнему: зелёная трава, детский смех, солнце… И никто даже не подозревает, что здесь тьма сжала нас в кольцо.

Он замолчал. Тишина была глухой как подземелье. Только где-то в углу потрескивал самодельный обогреватель.

– Или, – добавил он после паузы, – они слишком слабы. После прихода Полуденницы магия изменилась. Потускнела. Может, добрые волшебники больше не могут появляться просто так. Может, им нужен знак.

– Какой? – спросила Вера, не отрывая взгляда.

Пётр не знал. Но ответила Ирина, прислонившись к дверному косяку:

– Вера. Может, ты сама им и есть знак.

Отец и дочь одновременно обернулись к ней.

– Подумайте, – продолжила Ирина, – ты каждый день смотришь в экран, ищешь в тумане лица, силуэты, свет… Ты не сдалась. Может, именно это они и ждут. Кто-то, кто всё ещё верит. Кто всё ещё зовёт.

Пётр сжал губы. Он посмотрел на дочь, потом на жену. И впервые за долгое время сердце его дрогнуло – не от страха, не от боли, а от чего-то другого. Тепла. Ощущения, что, может быть, в самой их вере уже заключена сила.

– Тогда будем звать, – сказал он тихо. – Будем верить. Если магия где-то есть – она откликнется.

– Она уже с нами, – прошептала Вера, и в её голосе было не детское упрямство, а взрослая уверенность.

А за стенами убежища снова заползал туман, шепча свои страшные сказки. Но в этой комнате горела маленькая ис-

кра. И, возможно, её уже почувствовали те, кто всё это время ждал.

Если хочешь, могу добавить сцену, где Вера впервые увидит что-то действительно волшебное – знак, который не поддаётся объяснению.

Семья собралась за ужином. В тесной, но уютной комнате пахло тушёными кореньями, сушёным мясом и чем-то дымным – от угольков, тлеющих в самодельной печке у стены. Стол был старый, с поцарапанной поверхностью, но чистый – покрытый потёртой, но аккуратно выстиранной тканью. Посередине стояла глубокая миска с едой и несколько металлических тарелок, каждая чуть-чуть отколота по краю. Всё, как всегда. И всё – по-своему свято.

Пётр разлил горячее варево по тарелкам, двигаясь аккуратно, словно совершал ритуал.

– Сегодня получилось гуще, – заметил он. – Нашёл ещё один корень в кладовке, вроде съедобный. Не ядовитый, во всяком случае. Пока что.

– Аромат неплохой, – улыбнулась Ирина, усаживаясь на своё место. Она устало поправила волосы, заколотые шпилькой. – Впрочем, я бы и подошвы сапога съела, если бы они

пахли хотя бы отдалённо как это.

– Мама, ну ты и сравнила, – фыркнул сын, подталкивая Веру локтем. – Приятного аппетита, как говорится.

– Приятного… – пробормотала Вера, уставившись в тарелку. Пар поднимался, растворяясь в тусклом свете потолочной лампы. Она сделала глоток и поморщилась. – Горьковато.

– Это от того самого корня, – пояснил Пётр. – Зато витаминов – завались. Наверное.

Они ели молча некоторое время. Только звук ложек, стук посуды и далёкое гудение фильтров вентиляции наполняли пространство. Было тепло. Уютно. Почти мирно. И в этом "почти" – весь трагизм их нового мира.

– Знаете, – вдруг сказала Ирина, глядя в свои руки, – раньше ужины были другими. Светлые, шумные. Телевизор бубнил на фоне, кто-то ругался, кто-то ронял вилку… А теперь каждый ужин – как будто мы стоим на обрыве. И держимся за этот кусочек нормальности, как за край.

– Потому что это и есть нормальность, – тихо ответил Пётр. – Мы её создаём. Здесь. Внизу. Вместе. Вот это – се-

мья. И магия, если хочешь.

Вера подняла глаза от еды. В них мелькнул огонёк.

– А если бы сейчас в дверь постучали, и это был кто-то… настоящий. Добрый. Волшебный. Ты бы впустил?

– Если он с едой – точно, – хмыкнул сын, и все разом рассмеялись. Нервно, но от души.

Ирина кивнула, улыбаясь сквозь грусть.

– А если без еды, но с чудом?

Пётр поднял ложку, задумался и, наконец, сказал:

– Я бы впустил. Чудо редко приходит сытым и по расписанию. Иногда оно – просто голос за стеной. Или человек, который не сдаётся.

За дверью было по-прежнему тихо. Но в сердце у каждого за столом вдруг стало чуть теплее. Как будто на мгновение за бетонной оболочкой их мира что-то мягко дрогнуло – и прислушалось.

Поужинав, дети обменялись взглядами – короткими, по-

чти незаметными – и встали из-за стола. Сын взял свою пустую тарелку, поставил её в металлический тазик у стены и провёл рукой по затылку, как делал всегда, когда не знал, что сказать.

– Мы пойдём к себе, – пробормотал он, глядя куда-то в сторону. – Завтра же дежурство с утра.

– И ещё задания по распознаванию маршрутов, – добавила Вера, уже на ходу поправляя плечи своего тёмного свитера. – Нас просили изучить карту поверхности. Мама, папа… спокойной ночи.

Ирина кивнула им с лёгкой улыбкой:

– Спокойной ночи, мои родные. Постарайтесь немного поспать, не только думать о картах и ловушках.

– Да-да, постараемся, – ответил сын, слегка закатив глаза, но с теплотой в голосе.

Пётр наблюдал за ними, как они скрылись за занавеской, отделявшей их комнату от общего помещения. Ткань дрогнула и застыла, будто плёнка между двумя мирами: взрослым – полным тяжёлых решений и усталых надежд, и подростковым – где за страхом прятались вопросы, мечты, по-

требность в вере.

Он ещё долго смотрел на эту занавеску, потом вздохнул.

– Знаешь, – сказал он, обращаясь к жене, – я часто думаю, какие бы они были, если бы всё было по-другому. В обычной жизни. Без тумана. Без мутантов. Без страха.

Ирина, молча пододвинула кружки ближе друг к другу, убирая со стола.

– Я думаю, что они были бы такими же. Упрямыми. Сильными. Тонкими изнутри. Просто смеялись бы чаще.

– Да, – Пётр кивнул, задумчиво проводя пальцем по столешнице. – Смеха нам всем сейчас не хватает. А ведь им всего по пятнадцать…

За занавеской раздался негромкий смех. Пётр замер и улыбнулся.

– Слышала?

– Слышала, – прошептала Ирина и прижалась к его плечу. – Пока они смеются – всё ещё не потеряно.

А в комнате за занавеской Вера шептала брату:

– А если однажды утром проснёмся, выйдем – а тумана больше нет?

– Значит, кто-то там всё-таки нас услышал, – ответил он, уже лёжа на импровизированной кровати. – Кто-то добрый. Или просто очень упрямый, как мы.

И засыпая, они оба впервые за долгое время не чувствовали страха. Только тонкую-тонкую нить надежды, которую даже бетон стен не мог заглушить.

– Я думаю, они где-то есть, – тихо проговорила Вера, лёжа на своей узкой койке, глядя в потемневший потолок. Свет от тусклой лампочки, подвешенной у стены, отбрасывал неровные тени на тканевую перегородку. – Просто… не знают, что здесь происходит.

– Думаешь? – голос Левы прозвучал скептически, но в нём слышалось и что-то иное: слабая надежда, едва уловимая, как дыхание в тишине.

– Уверена, – коротко ответила Вера. Она говорила спокойно, с внутренней убеждённостью, которую никто не мог поколебать.

– Если есть злые волшебники, такие как Беляна и Полуденница… – продолжал Лев, – то и добрые должны быть. Везде ведь должен быть баланс, да?

– Именно, – кивнула она. – Свет не может исчезнуть навсегда. Он может прятаться. Молчать. Слабеть. Но исчезнуть – нет.

Лев перевернулся на бок, смотря на неё через темноту комнаты. Его лицо, обычно весёлое и оживлённое, теперь было серьёзным, сосредоточенным.

– А где их найти?

Вера прищурилась, будто старалась вспомнить что-то из другого времени, другого мира.

– Помнишь сказки?

– Конечно, – отозвался он. – Бабушка читала нам перед сном. Волшебники, духи, старцы… они всегда жили…

– В лесу, – закончила за него Вера. Её голос стал тише. – Всегда в лесу. Подальше от людей. Подальше от шума. Где тишина и древняя магия. Где можно услышать ответы.

Лева замолчал на секунду. Затем хрипловато спросил:

– Ты хочешь пойти в лес?

Она повернула к нему голову. Не произнесла ни слова, но лишь молча кивнула. И этого было достаточно. В её глазах не было страха – только решимость.

– Это опасно, – пробормотал Лев, глядя на неё. – Поверхность… это не прогулка. Там не только монстры. Там… сама тьма живая. Как будто город дышит ядом.

– Если ничего не делать, – отозвалась Вера с глухой уверенностью, – мы так и сгниём тут, под землёй. День за днём, в страхе. А я хочу выбраться. Хочу найти свет. Даже если это безумие.

Брат сжал губы. Долго молчал. Лишь слышно было, как за перегородкой капает вода, и как скребётся кто-то по трубам – может, крысы, а может, нечто другое.

– Одну я тебя не отпущу, – наконец сказал он, и в голосе прозвучала железная решимость.

Вера невольно улыбнулась. Хоть она и была старше его

всего на две минуты – всегда чувствовала в нём эту мужскую, немного наивную, но настоящую защиту.

– Хорошо, – мягко сказала она.

– И нам нужно будет что-то для защиты. Не пойдём же мы в лес с ложками?

– Завтра сходим на склад, – кивнула она. – Посмотрим, что осталось. Может, найдём старый электрошокер. Или хотя бы ножи.

– И надо взять у отца карту доступа, – добавил Лев, понизив голос. – Без неё дверь на поверхность не откроется.

– Сможешь?

– Попробую. Он всегда оставляет куртку в прихожей… главное – чтобы не застал.

– И чтобы никто не узнал, – твёрдо сказала Вера. – Ни мама, ни Алла Викторовна, ни тем более кто-то из друзей. Если кто-то узнает…

– … Накажут – мама не горюй, – мрачно усмехнулся Лев. – И не только накажут. Могут и в изолятор засадить. Там сей-

час за самовольные выходы не церемонятся.

– Но мы никому не скажем, – твёрдо сказала Вера. – Мы сделаем это. Вдвоём.

Они замолчали. Лев потянулся, выключил лампу. В комнате воцарилась темнота, звуки подземки стали громче, как будто ночь сама приблизилась.

– Спокойной ночи, Вера.

– Спокойной ночи, Лева.

Они легли, каждый на свою койку, и долго ещё не могли заснуть. Где-то в глубине души пульсировала тревога, смешанная с волнительным предвкушением. Завтра начинался их путь – путь, которого никто не должен был заметить. Путь – к свету. Или в самое сердце тьмы.

Они проснулись одновременно, как по внутреннему сигналу. Тишина комнаты была всё ещё густой, сонной, но за стенами убежища уже оживали механизмы: скрипела система фильтрации, стучали по трубам капли конденсата, кто-то в соседнем отсеке включил радио – старую запись с новостями двухлетней давности, оставленную для фонового шума.

Вера первой села на койке, откинула тонкое одеяло и на мгновение замерла, прислушиваясь к собственному дыханию. Её волосы слегка растрепались, а на щеках ещё оставались следы сна. Но глаза были уже полны сосредоточенности. Она взглянула на Льва, который потягивался, зевая, и, встретив её взгляд, только кивнул – без слов, но с пониманием.

– Утро, – прошептал он. – Наступило. Значит, мы всё ещё здесь.

– А значит – можем действовать, – тихо ответила Вера.

Они поднялись, надели свои простые серо-зелёные свитера и плотные штаны. Обувь – грубая, почти военная – стояла у дверей. Умылись холодной, чуть ржавой водой из труб у общего умывальника – по очереди, быстро, не привлекая внимания. Вера держала своё лицо серьёзным, почти сосредоточенным, как у взрослого бойца перед заданием. Лев же то и дело оглядывался, словно опасаясь, что кто-то может услышать их мысли.

– Ты ведёшь себя подозрительно, – усмехнулась Вера, вытирая лицо полотенцем.

– А ты как будто с детства планировала побег, – буркнул

он в ответ, но без злобы. – Спокойная как танк.

– Спокойствие – то же оружие, – отрезала она.

Пройдя по узкому коридору, они добрались до общей столовой. Пространство было скромное: несколько длинных столов, металлические скамьи, обогреватель в углу. На стенах – листовки с правилами поведения и схемой эвакуации. На одном из столов уже дымились чашки с овсяным суррогатом и варёными корнями.

Глава 2. Там, где река шепчет.

Ирина, их мать, уже была там – укладывала ложки, проверяла температуру напитка. Когда увидела детей, её лицо слегка просветлело.

– Доброе утро, вы мои подземные разведчики, – улыбнулась она, но взгляд её был внимательный. – Спали хоть нормально?

– Вполне, – ответила Вера, садясь. – Мне даже приснилось, будто я на поверхности. Настоящей. Где солнце. И птицы. Не монстры – а просто птицы.

Ирина замерла на миг, потом мягко погладила её по плечу.

– Значит, надежда ещё держится. Это хорошо. Это – живое.

Лев сел рядом, взял ложку.

– У нас сегодня задания. Попросили помочь на складе. Разгрузка чего-то.

– Склад? – удивилась Ирина. – Кто-то сказал, что новые поступления?

– Кажется, да, – спокойно ответил Лева, не поднимая глаз. Он уже репетировал эту фразу в голове, знал, как её сказать, чтобы прозвучала буднично.

Пётр появился чуть позже, усталый, но собранный. Он обнял жену, потер шею и сел рядом с детьми.

– Сегодня будьте осторожны, – сказал он, глядя то на дочь, то на сына. – В вентиляции снова слышали шорохи. Возможно, тараканы. А может, и не только.

– Мы всегда осторожны, – ответила Вера. И хотя слова были простые, в них проскальзывало что-то большее.

Завтрак прошёл почти в тишине. Только звуки посуды, капли воды из трубы и далёкое позвякивание металла. Но за этой тишиной скрывалось напряжение.

План начал дышать. Они чувствовали это каждой клеточкой.

Вера взглянула на Льва. Он едва заметно кивнул. Всё было

готово. Осталось только сделать первый шаг.

– Пойду, помоюсь, а то скоро вылазка на поверхность, – бросил Пётр, вставая из-за стола и закатывая рукава. Его голос прозвучал буднично, почти спокойно, но в нём слышалась знакомая тяжесть – та, что появляется всякий раз перед выходом наружу.

– Сколько вас сегодня? – тихо спросила она.

– Пятеро, – ответил он через плечо. – Как всегда. Малой группой – так проще двигаться. Тихо.

Лев и Вера, всё ещё сидевшие за столом, замерли. Каждый раз, когда отец собирался на вылазку, в доме будто наступало особое состояние – тревожное ожидание, как перед бурей. Никто не говорил об этом вслух, но каждый понимал, насколько всё может пойти не так.

Пётр снял куртку, отложил её аккуратно на стул, проверил карманы: пропуск, нож, фонарик, старый компас, батарея от радиосвязи – всё было при нём. Он был собирателем – одним из немногих, кто знал тропы среди руин, знал, где можно найти старые склады, остатки техники, припасы, одежду, лекарственные растения. И одновременно – одним из тех, кто видел на поверхности кошмары, о которых старались не

говорить детям.

Туман. Плотный, как жидкий бетон. Он обволакивал улицы, мосты, дома, превращал даже знакомые места в лабиринт без выхода. В нём можно было заблудиться – или хуже.

И ещё – животные. Те, что раньше были просто зверьми. После появления Полуденницы и Беляны они изменились. Ослеплённые, вытянутые, с раздувшимися сосудами под кожей, они охотились на звук, на движение, на дыхание. Никто точно не знал, как их спасти. Никто не знал, возможно ли это вообще.

– Пап… – начал было Лев, но запнулся.

Пётр остановился у дверного проёма, обернулся. Его лицо, загрубевшее от холода и времени, стало мягче.

– Да?

– Ты ведь вернёшься? – спросил Лев, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но в нём всё равно дрогнула нотка.

Петя подошёл к сыну, положил руку ему на плечо.

– Конечно, вернусь. Мы с туманом давно знакомы. Он зна-

ет меня, я – его. Пока дыхание идёт, ноги стоят и руки держат – я всегда найду дорогу обратно.

– Мы будем ждать, – тихо сказала Вера.

– Не просто ждать, – усмехнулся Пётр. – А готовиться. Потому что однажды и вам придётся выйти. Надеюсь, в другое небо.

Петя вышел из столовой, Ирина смотрела ему вслед, не двигаясь, лишь сжав ладонями чашку, в которой осталась половина уже остывшего напитка.

Он направился к душевой комнате, расположенному в дальнем конце убежища – за занавеской, за которой журчала тонкая струйка воды, подведённой из старой системы фильтрации. Металл в коридоре от сырости покрылся ржавчиной, а лампы мигали, будто от напряжения дрожала сама станция.

Петр зашел в помещение, а вода за перегородкой зашумела, словно сквозь неё прошёл не человек – а сама решимость.

Ира встала и начала молча собирать со стола, прижимая к себе тёплую кружку – как будто в этом тепле был остаток того, что может удержать её мужа в этом хрупком, но таком живом мире.

Как только за матерью закрылась тяжёлая металлическая дверь, в комнате повисла непривычная тишина. Только мерный гул фильтров и слабый треск старой лампочки напоминали о постоянной жизни под землёй. Лев и Вера, оставшиеся одни, переглянулись.

– Сейчас или никогда, – шепнула Вера, ощущая, как внутри всё сжалось в один упругий комок. Сердце колотилось, будто предчувствовало, что после этого шага их жизнь уже не будет прежней.

Лев медленно поднялся со скамьи. Его движения были осторожными, даже дыхание замедлилось. Они подошли к крючку у стены, где висела отцовская куртка – потёртая, пропитанная пылью старых улиц и чем-то ещё… чем-то, что пахло поверхностью. Свободой. Опасностью.

Вера провела пальцами по плотной ткани. В голове всплыли обрывки воспоминаний: как отец возвращался с вылазок, уставший, молчаливый… но живой. Как он хранил карточку всегда рядом, в нагрудном внутреннем кармане, недоступную для случайного взгляда. Она знала, где искать. Она запомнила.

– Смотри, – прошептала она, аккуратно расстёгивая молнию. – Здесь.

Пальцы дрожали, но Вера справилась. Лев стоял рядом, нервно озираясь, будто стены могли сейчас раскрыть глаза и выдать их тайну.

– Быстрее, – прошептал он. – Вдруг мама вернётся. Или кто-то ещё зайдёт.

– Тихо… вот она… – Вера нащупала тонкую пластиковую карточку с чипом, чёрную, со стёртым логотипом убежища. Она извлекла её медленно, бережно, как самое драгоценное, что было в этом мире.

На секунду оба замерли, уставившись на карточку, словно это был ключ не просто от дверей, а от новой жизни.

Лев стиснул челюсть. – Всё. Назад дороги нет.

Вера кивнула, сжимая пропуск в ладони.

– Да. Мы пойдём. Мы найдём добрых магов. Мы найдём выход из этой клетки.

В животе у неё ёкнуло от тревоги – не от страха, а от осознания масштаба того, что они собирались сделать.

– Главное – не спешить, – добавил Лев, заставляя себя ды-

шать ровно. – Дождёмся вечера, когда будет меньше людей у входа. Мы сделаем вид, что идём по делам. А потом – к внешнему шлюзу.

Вера убрала карточку в маленький потайной карман на внутренней стороне своего свитера.

– Будто так и должно быть, – сказала она, отступая от куртки. – Никто не заподозрит. Главное – не смотреть по сторонам. Не дёргаться. Спокойно. Как папа всегда говорил.

Лев кивнул и быстро оглядел комнату, словно проверял, остались ли следы их маленькой диверсии.

– Всё нормально. Всё на месте.

Они отошли от стены, возвращаясь к своим местам, пытаясь снаружи выглядеть спокойно. Но внутри – всё горело, сжималось, дрожало от волнения. Они сделали шаг в неизвестность. И впереди их ждала не просто поверхность, а шанс изменить судьбу.

Вера выпрямила спину, Лев сжал кулаки.

– Мы сможем, – прошептала она себе под нос. – Обязательно сможем.

И в этот момент за дверью послышались приближающиеся шаги. Оба замерли.

– Спокойно, – едва слышно сказал Лев. – Просто ужин. Или смена дежурства. Никто ничего не знает.

Но сердце билось в ушах, а в голове звучало одно: они сделали первый шаг.

И назад пути уже не было.

– Пойдём на склад, – твёрдо сказала Вера, ощущая в груди горячий прилив решимости. – Оденемся в защитные костюмы и вооружимся. Без этого на поверхности нам не выжить.

Лев кивнул, его лицо стало сосредоточенным, челюсть сжалась. Он понимал: от этой подготовки зависит их шанс не просто выжить, но и дойти до цели.

Они поднялись почти одновременно, стараясь не создавать лишнего шума. Кинув последний взгляд на столовую, где уже начали собираться другие жители убежища, брат и сестра быстро вышли, растворившись в тускло освещённом коридоре.

Вера ловко шагала впереди, с привычной осторожностью оглядываясь на каждый поворот, каждый тёмный уголок. Лев шёл за ней, чувствуя, как пот каплями стекает по спине – не от усталости, а от напряжения. Всё могло пойти не так. Любая встреча могла сорвать их план.

– Быстрее, – шепнула Вера, замедлив шаг у лестничного пролёта. – До пересменки охраны двадцать минут.

Лев кивнул и ускорился, стараясь не шуметь сапогами по металлическому настилу пола. Подземные коридоры будто сжались вокруг них, стены эхом отражали их дыхание и каждый шаг казался слишком громким.

Впереди показалась массивная дверь склада, выкрашенная облезлой краской. На ней висел табличка «Доступ по разрешению». Вера достала заветную карточку отца, провела ею по старому сканеру. Тот моргнул тусклым зелёным огоньком, и дверь со скрипом приоткрылась.

– Заходи, – прошептала она, оглядываясь, и проскользнула внутрь первой.

Лев следовал за ней. Внутри было прохладно, пахло металлом, смазкой и старыми тканями. Ряды стоек уходили вглубь, заставленные контейнерами, коробками с медика-

ментами, ящиками с инструментами и защитной экипировкой.

Вера быстро двинулась к секции с костюмами, проверяя бирки на ящиках.

– Здесь. Шестой ряд. – Она присела и вытащила две упаковки с плотными, серыми защитными комбинезонами со шлемами.

– Сильно побиты, но лучше, чем ничего, – оценил Лев, проверяя целостность креплений на шлеме. – Хоть фильтры есть. Главное – чтобы в тумане не задохнуться.

– Снимем пыль и пойдём к оружейной секции, – сказала Вера, быстро сдирая упаковку и накидывая костюм на себя. – Не хочу быть лёгкой добычей для зверья снаружи.

Через несколько минут оба были переодеты. Защитные комбинезоны плотно облегали их тела, фиксируясь липучками и креплениями. Шлемы удобно сели на головы, фильтры издавали тихий механический гул.

– Похоже, настоящие разведчики, – слабо усмехнулся Лев, глядя на сестру. – Только мечей не хватает.

– Исправим, – отозвалась Вера и шагнула к ящикам с маркировкой «Защита». Они с усилием откинули крышку одного из них.

Внутри оказались ножи с длинными лезвиями, несколько электрошокеров со старыми аккумуляторами и даже старый арбалет с тремя стрелами.

– Возьмём всё, что можно унести, – скомандовала Вера. – Остальное неважно.

– Вера… мы ведь правда это сделаем? – вдруг спросил Лев, замирая на миг. – Не просто играем в героев?

Вера посмотрела ему в глаза. В её взгляде не было ни сомнений, ни страха – только усталость и решимость.

– Мы пойдём и найдём выход. Или погибнем, но не сгниём здесь как мыши в норе. Понял?

Лев сжал зубы и кивнул. Он почувствовал, как в груди вспыхнуло что-то горячее и живое. Они действительно были на грани. Но в их руках, пусть дрожащих, впервые появилась сила выбора.

– Тогда выходим отсюда, – прошептал он. – Впереди – лес.

И, прихватив снаряжение, они покинули склад, двигаясь к шлюзу, где их ждала неизвестность.

Их лица скрывали матовые шлемы с затемнёнными забралами, за которыми нельзя было разглядеть ни выражения глаз, ни мельчайших деталей лица. Только ровное дыхание в замкнутом пространстве шлема напоминало, что под тяжёлой защитой скрываются не опытные бойцы, а брат и сестра – два подростка, решившие выйти туда, где каждый шаг может стать последним.

Они неслись по коридору к подъёмнику с отточенной уверенностью, которую натянули на себя словно ещё один слой брони. Сердца колотились так, что казалось – вот-вот пробьют грудные клетки и выскочат наружу.

Возле подъёмника стоял Павел – высокий, жилистый мужчина с вечно насупленным лицом. Он уже много лет был оператором подъемной шахты и слишком хорошо знал, что бывает с теми, кто уходит наверх. Его пальцы привычно теребили старую зажигалку в кармане, а в глазах отражалась настороженность.

Увидев приближающихся в полной экипировке Льва и Веру, Павел нахмурился, но не проявил особого удивления. В

его мире каждый день кто-то выходил наружу, иногда – возвращался. Чаще – нет.

– Вылазка? – коротко спросил он, приподнимая подбородок, чтобы лучше разглядеть их через визоры.

Вера с лёгкой запоздалостью кивнула, стараясь не выдать дрожь в руках, сжимающих ремень сумки с оружием. Лев мгновенно повторил жест, как отрепетированный сигнал.

Павел перевёл взгляд за их плечи, в пустоту коридора.

– А остальные где?

Сердце Веры ёкнуло, но она спокойно указала большим пальцем через плечо.

– Позади… разбирают снаряжение. Мы – вперёд, разведка.

Лев подтвердил кивком, стараясь держать дыхание ровным. Ему казалось, что голос может выдать их с головой, потому он и молчал.

Павел окинул их взглядом, прищурился, словно что-то пытался уловить, почувствовать ложь или нестыковку, но че-

рез несколько секунд нехотя пожал плечами.

– Ладно, проходите. Не забывайте про сигнализацию у западного входа. Туман там вчера шевелился особенно сильно.

– Поняли, – коротко ответила Вера.

Павел нажал кнопку, массивная дверь лифта с лязгом сдвинулась в сторону, открывая им прямой путь наверх – туда, где воздух был густым, а опасность – ощутимой кожей.

– Удачи, – буркнул Павел напоследок. – И не геройствуйте.

Они шагнули внутрь лифта. Двери захлопнулись за их спинами с металлическим звоном. Внутри лифта пахло сталью, пылью и чем-то ещё… чем-то неуловимо опасным.

Вера, наконец, осмелилась выдохнуть и быстро взглянула на Льва сквозь прозрачную часть шлема.

– Полпути пройдено, – прошептала она.

Лев крепче сжал рукоять арбалета, сердце у него стучало в ушах.

– Осталась самая сложная половина.

Лифт дёрнулся, и с натужным лязгом начал движение вверх, туда, где за железом стен их ждал незнакомый, дикий мир.

И с этого момента – всё было по-настоящему.

Лифт вздрогнул, с глухим лязгом замер на верхней отметке. Несколько долгих секунд тишины давили на уши Льву и Вере, словно сам механизм раздумывал, стоит ли выпускать их наружу.

Затем с тяжёлым, протяжным скрежетом массивные металлические двери начали расходиться в стороны. Сквозь щель в проёме первым хлынул влажный, удушающее густой воздух, в котором чувствовалась прелесть старых руин, сырость мёртвого города и странная горькая нота тумана, почти липкого.

Лев невольно втянул голову в плечи. Даже сквозь фильтры шлема воздух казался тяжёлым.

– Добро пожаловать на поверхность, – пробормотал он с нервной ухмылкой, которая никому, кроме него самого, была не видна.

Вера сделала шаг вперёд, с силой сжимая ремень сумки на плече. Ноги дрожали, сердце колотилось, но лицо оставалось каменным – ей казалось, что только так можно сохранить контроль.

– Пошли, – коротко сказала она.

Они вышли из шахты. Сверху нависали остатки бетонных арок, наполовину обрушенные. Некогда величественное здание теперь напоминало растрескавшуюся клетку. С потолка свисали ржавые балки, кое-где пробивались сквозь камень хрупкие, измученные растения.

Снаружи всё утопало в сером, плотном тумане. Линии горизонта не существовало – город был замкнут в бесконечном мареве, и казалось, что сам воздух дрожит, пульсирует, скрывая в себе что-то живое и недоброе.

Лев шагнул рядом с сестрой, инстинктивно проверяя арбалет за спиной.

– Не верится, что мы действительно тут, – хрипло пробормотал он. – Я сто раз представлял, каково это – выйти… но сейчас… ощущение, что здесь чужое всё. Даже земля под ногами.

Вера медленно осматривала пространство сквозь затемнённый визор шлема. Слева виднелись обломки перевёрнутых машин, их ржавые скелеты торчали из асфальта, будто кривые пальцы. Справа – полуразрушенный фасад магазина, вывеска которого была едва читаема.

– Город… – прошептала она. – Когда-то живой. Когда-то настоящий. А теперь – ловушка.

– Мы выберемся отсюда, – твёрдо сказал Лев, как будто убеждая не только сестру, но и самого себя. – Мы найдём их. Тех, кто не ушёл, кто прячется… кто способен бороться с этим.

Вера кивнула, сжимая кулаки.

– Добрые волшебники ещё живы. Я в это верю. Просто нужно найти их.

Позади лифт с лязгом захлопнулся, отрезав путь назад.

– Теперь – только вперёд, – шепнула Вера.

Лев кивнул, прокручивая в голове все правила вылазок, которые слышал от отца: «Не отходить от стен», «Не подни-

мать шума», «Всегда проверять следы».

Они двинулись вперёд по треснувшему асфальту, унося с собой крошечный огонёк надежды в сердце мёртвого города.

И впервые за долгое время – они сами выбирали своё направление.

– День Ивана Купалы начался! Пошли на речку! – раздался радостный возглас Марии, которая влетела в комнату с разлетающимися светлыми волосами и сияющими глазами. От возбуждения её голос звенел в тишине, а бледные щёки алели, словно речные розы.

С дивана в дальнем углу что-то недовольно зашевелилось, под одеялом прошуршала рука, и глухой голос пробурчал:

– Дай поспать… – протянула Ульяна, с трудом высовывая из-под одеяла растрёпанную голову с торчащими во все стороны тёмными космами. Глаза её были полузакрыты, а выражение лица – глубоко несчастное. – Я тебе кто, петух деревенский, чтобы на рассвете вскакивать?

– На речку в такую рань? – донёсся ленивый, но мелодичный голос Лоры с другого конца комнаты. Она вальяжно вытянулась на подушках, прикрывшись лёгким шёлковым по-

крывалом, её чёрные волосы спадали на плечи, а кожа, как всегда, была белее снега. – Давайте ночью, – зевнула она, обнажив клычки, которые нехотя блеснули на свету.

Маша закатила глаза, поставив руки на бёдра.

– Конечно… ночью… – передразнила она, – чтобы вы опять проспали весь праздник и в полночь только вспомнили, что Купала прошёл!

– Зато ночью романтичнее, – сладко улыбнулась Лора, потянувшись, словно кошка. – И мне не придётся плавиться под этим злым солнцем.

– Точно! – оживилась Ульяна, резко скидывая с себя одеяло и садясь на кровати. Волосы у неё топорщились в разные стороны, а глаза наконец открылись, заблестев лукавством. – Вечером – идеальное время. Тем более Лора сгорит на солнце, а я… ну, я не люблю купаться в полуденную жару. Слишком бодро, знаешь ли, для потомков Бабы Яги.

– Уже и так вечер… – вздохнула Мария, махнув рукой и отправляясь к двери. В её движениях всё ещё чувствовалась лёгкая обида, но блеск в глазах не исчез. – Пойду хоть венков нарву. Кому-нибудь же надо поддерживать купальские традиции, а не валяться до ночи, как кикиморы ленивые.

Ульяна лениво потянулась и подмигнула Лоре:

– Вот и отлично, Маша всё подготовит, а мы потом выйдем красиво. Под звёздами, с венками, кострами… Всё как положено, да, Лора?

Лора медленно кивнула, её губы растянулись в довольной вампирской улыбке:

– Самое то. А ещё ночью – вся магия ярче.

Мария, уже стоя в дверях, развернулась и махнула рукой:

– Ладно, лентяйки. Я ушла!

И хлопнула дверью.

В комнате снова наступила уютная полумгла, а Лора и Ульяна с удовольствием растянулись на своих местах, наслаждаясь остатками сладкой дремоты, но где-то в душе каждая уже предвкушала вечерние купальские чудеса.

Она неторопливо спустилась по широкой лестнице, чувствуя, как с каждым шагом вечерняя суета становилась всё ощутимее. Воздух был наполнен лёгким ароматом свежеско-

шенной травы и цветочных венков, которые кто-то плёл прямо на ступеньках. Сквозь открытые окна залетал тёплый ветерок, шевеля светлые пряди на её висках.

В академии царило особенное настроение – не спешное, не учёное, а живое, весёлое. Кто-то из учеников уже бегал по коридорам с лукошками, в которых перекатывались полевые цветы. За углом два молодых мага спорили, чьи венки будут лучше держаться на воде. Из дальней аудитории доносился заливистый смех девчонок, пробующих старинные купальские приговорки.

На нижней площадке лестницы Мария остановилась, на миг прислушиваясь к гомону.

– Праздник, значит… – пробормотала она себе под нос, чувствуя, как что-то тёплое разливается внутри. – Всё-таки не зря я сползла с постели первой.

– О, Маша! – окликнула её Аделина, племянница домового, с охапкой васильков в руках. – На речку пойдёшь? Все уже собираются!

Мария улыбнулась и кивнула:

– Конечно. Я же одна из первых предложила.

– Тогда не тормози! У реки уже костры зажигают! – с энтузиазмом воскликнула Аделина, подпрыгнула и побежала дальше, петляя между группками ребят.

Мария вдохнула полной грудью. В воздухе витал лёгкий аромат праздника – обещание веселья, магии и, возможно, чуда. Она поправила венок на голове и двинулась к выходу, ловя на себе улыбки, обрывки весёлых песен и предвкушение настоящей купальской ночи, которая, казалось, будет особенной.

Маша тоже поспешила на речку, её шаги становились всё быстрее, почти вприпрыжку, словно ноги сами знали дорогу туда, где сегодня случится что-то волшебное. В руках она сжимала венок – свежий, только что сплетённый из полевых ромашек, васильков и пары листочков папоротника, «на удачу».

Впереди уже слышались голоса, смех, звонкие всплески воды и весёлые крики. Тропинка, ведущая к реке, петляла между деревьями, усыпанная лепестками – кто-то щедро рассыпал их по пути, как будто благословляя праздник. Где-то в чаще стрекотали кузнечики, над головой трещали жуки, а в небе мерцали первые звёзды – мягкие, приглушённые туманной синевой летнего вечера.

– Вот бы загадать желание, – пробормотала Маша, придерживая венок, чтобы не слетел. – Только бы вода его не утопила…

Она вспомнила, как бабушка рассказывала ей, что в ночь на Ивана Купалу можно найти цветок папоротника, и если загадать желание с чистым сердцем – оно обязательно сбудется. Мария не была уверена, что волшебство действительно работает, но что-то в эту ночь шептало: «А вдруг?»

– Эй, Маша! – донеслось от реки. Это была Лида, прапраправнучка Кикиморы, ученица из отдела иллюзий. Она махала ей рукой, босая, в белом платье, уже стоя по колено в воде. – Давай к нам, сейчас венки пускать будем!

– Бегу! – откликнулась Маша и засмеялась.

Она сбежала с холма, спрыгнула с корня, который торчал из земли, и почти не касаясь земли, выбежала на залитую огнём поляну. Костры уже полыхали – высокие, яркие, бросая пляшущие тени на листву. Повсюду – светящиеся лица, цветочные венки, всплески воды, звуки бубна и смех.

Мария подбежала к берегу, разулась, прижала венок к груди и, подмигнув самой себе в отражении воды, прошептала:

– Ну давай, река. Унеси меня туда, где сбудется мечта…

И с замиранием сердца она опустила венок на гладкую поверхность, а тот мягко поплыл, чуть покачиваясь на волнах, уходя в глубину праздника, в ночь, полную древней магии и детской надежды.

Глава 3. Затаив дыхание.

Они подошли к речке, где уже собралась почти вся академия. Лунный свет отражался в тихой воде, ивовые ветви едва шевелились в вечернем ветерке, а над костром, разожжённым на берегу, плясали золотые искры. Ученики сидели на траве, кто-то плёл венки, кто-то вполголоса смеялся, а кто-то просто смотрел на реку, словно в предвкушении чуда. Солнце уже скрылось за горизонтом, оставив небо в тёплом, мягком свечении заката.

Из толпы вышли четверо наставников. Все замерли. Когда они шли, казалось, сама ночь отступала, освобождая дорогу древним знаниям и преданиям.

Первым выступил Иван Васильевич, высокий, слегка сутулый, с пронзительным взглядом. Его седые волосы были собраны в пучок, а на плечах висела тёмная накидка, от которой веяло лесной прохладой и дымом костров.

– Сегодня, – начал он, глядя на учеников с ласковой строгостью, – ночь, когда миры соприкасаются. Когда духи воды, земли и воздуха становятся ближе. Когда даже трава может прошептать тебе ответ, если ты знаешь, как слушать. Ночь Ивана Купалы – это не просто праздник. Это время очище-

ния, любви, силы и древних обетов.

Он сделал паузу. Тишина повисла густая, как туман над водой.

– Наши бабушки и дедушки знали, что эта ночь – особенная. Моя бабушка, как вы знаете, была Ягой. Она рассказывала, что именно в эту ночь можно заглянуть внутрь себя, и найти то, что спрятано даже от собственных мыслей…

Следом вперёд вышел Владимир Водославович, с глубокими морщинами, но невероятно живыми глазами. Его голос был мягок, как плеск воды:

– Вода сегодня особенно чутка. Она всё видит, всё запоминает. Если отпустишь венок по течению и закроешь глаза – она унесёт с собой не только цветы, но и печали. А может, даже принесёт весточку от того, кто тебе дорог. Мой дед был Водяным. Он говорил: "Купала – это не просто обряд. Это договор. Между тобой и стихиями".

Он опустил взгляд на реку, будто слушая её в этот момент. Некоторые ученики неосознанно повторили его жест, вглядываясь в шёпот воды.

Алиса Александровна, стройная и серьёзная, с косой до

пояса и венком из полевых трав, сказала:

– Папоротник сегодня цветёт. Да-да, именно в эту ночь. И только самые смелые, чистые душой могут его найти. Легенда? Возможно. Но я сама однажды видела, как на секунду в чаще вспыхнул огонёк… И пропал. Может, и вы сегодня увидите. Или найдёте то, чего давно искали в себе.

Её голос был тих, но в нём звучала сила леса – терпеливая, глубокая, вечная.

Наконец, шагнула вперёд Кира Кирилловна, в прозрачной накидке, украшенной ряской и перьями. Её взгляд был чуть лукавый, как будто она знала больше, чем говорила.

– А ещё, – сказала она, – это ночь любви. Смелые признания, тайные желания, венки, что плывут в темноту – всё это сегодня. Так что будьте внимательны: судьба любит такие ночи и порой шепчет совсем близко к уху.

Она рассмеялась, и смех её будто растворился в камышах.

После их слов ученики зааплодировали. Кто-то шепнул:
– Я всегда думал, что это просто праздник. А выходит, всё не так просто…

– Он и есть праздник, – откликнулась рядом сидящая Маша, – но настоящий. Такой, который чувствуется в сердце.

Вечер продолжался. Костёр разгорался, а впереди была ночь, полная тайн.

Луна во всей своей серебристой красе повисла в небе, отражаясь в спокойной глади воды. Ночь окончательно вступила в свои права, окутывая лес и поляну у реки тонким, почти волшебным туманом. Где-то вдалеке слышались голоса – смех, тихие разговоры, всплески воды.

Из глубины теней, у самого края деревьев, появились две фигуры.

– Ну, наконец-то мы дошли, – с некоторым раздражением пробурчала Ульяна, потягиваясь и зевая. Её длинные волосы были распущены, в глазах ещё теплел сон.

– Подумаешь, праздник, – фыркнула она, – что такого особенного? Купание в речке, травки, венки. Лучше бы дали поспать.

– А ты не бурчи, – мягко улыбнулась Лора, рядом с ней. Её кожа была бледна, почти светилась в свете луны. – Ты же знаешь, это важно для всех. Здесь столько энергии… Тонкой, живой. Я её почти чувствую на вкус.

Ульяна скосила на неё взгляд.

– Конечно. Тебе-то в ночи – раздолье. Ты ещё скажи, что чувствуешь запах магии.

Лора усмехнулась, облизнув губы.

– А ты знаешь, чувствую. Здесь всё словно дышит: трава, вода, огоньки… Даже люди. Все наполнены чем-то древним. И это прекрасно. – Она подняла глаза к луне. – Такая ночь бывает раз в году. Разве ты не чувствуешь?

Ульяна, неохотно, но всё же остановилась, прислушалась. Шепот листвы, лёгкое журчание воды, искристый смех детей и подростков, треск костра… И, правда, было в этом что-то особенное.

– Ладно, – выдохнула она, – может, ты и права. Только если духи лесные начнут танцевать, я ухожу.

– Договорились, – кивнула Лора, хмыкнув, – а если начнут петь – остаёшься до утра.

Обе рассмеялись, их силуэты мягко скользнули по тропинке, приближаясь к огню, вокруг которого уже собралось

множество учеников и учителей. Воздух звенел ожиданием – ночь только начиналась.

Все веселились на День Ивана Купалы – любимый праздник, что соединял в себе древние обряды, магию стихий и юношескую радость. Над рекой плясал туман, в воздухе витал аромат трав, а весёлый смех эхом отдавался среди деревьев.

Ученики и учителя разбрелись по поляне, кто-то пускал венки по воде, кто-то прыгал через костёр, а кто-то танцевал, взявшись за руки. Девочки сплетали венки – одни из ромашек и васильков, другие – с включением магических трав, которые, как утверждала бабушка Ульяны, придавали сил и исполняли желания.

– Смотри, Маша, мой венок держится на воде! – крикнула одна из учениц, радостно хлопая в ладоши.

– Это значит, твоя судьба рядом, – улыбнулась Мария, прищурившись на речную гладь. Она повернулась к Вере и Льву, которые шли неподалёку. – А вы будете прыгать через костёр?

– Если Лев не струсит, – поддела его Вера, подмигнув.

– Кто струсит? Я? Никогда! – с притворной обидой ответил Лев, уже закатывая рукава. – Покажу вам, как настоящие

наследники магии огня прыгают!

Старшие ученики и учителя наблюдали за молодёжью с лёгкими улыбками. Алиса Александровна стояла с кружкой травяного настоя, вглядываясь в языки пламени.

– В эту ночь, – негромко произнесла она, – граница между мирами становится тоньше. Будьте внимательны, дети. Веселье – это хорошо, но и обряды надо чтить. Не забывайте: вода, огонь и трава сегодня – живые. Они слушают.

Кира Кирилловна в это время тихо напевала древнюю купальскую песню, от которой у некоторых учеников даже пошли мурашки.

– Моя бабушка говорила: "Если на Купалу вода шепчет – слушай, но не отвечай. А если трава светится – беги туда, но один не возвращайся." – задумчиво добавила она, глядя на светлячков, что будто хоровод водили над травой.

Ульяна и Лора, только что подошедшие, застали всё это веселье и на мгновение замерли.

– Как будто попали в сказку, – прошептала Лора.

– Нет, – отозвалась Ульяна, улыбаясь. – Мы и есть её часть.

Лев и Вера шагали медленно, почти неслышно, словно сами были частью окружающего тумана. Воздух был влажный, прохладный, и казался напитанным шепотом трав и древних песен. Белая пелена стелилась по земле, поднимаясь едва ли не до колен, скрывая тропинку, по которой они шли. Над головой вяло мерцала Луна, окутанная дымкой.

Их руки невольно встретились, пальцы сплелись. Впереди их уже ждали – надежда и магия, что витала повсюду.

– Странно как-то… – прошептала Вера, вглядываясь в туман. – Всё кажется таким… нереальным. Словно мы не просто гуляем, а вошли в чей-то сон.

– Или в чью-то легенду, – сдержанно ответил Лев. Он прищурился прислушиваясь. – Туман здесь не просто из-за влаги. Он будто живой.

Вера обернулась и на мгновение показалось, что позади кто-то прошёл – силуэт скользнул в глубине тумана и тут же исчез.

– Ты это видел?

– Нет. Но почувствовал. Пошли дальше, держись ближе ко мне.

Они обменялись тревожными взглядами и ускорили шаг. Земля под ногами хлюпала, будто предостерегала:

«Остановитесь».

Но что-то манило их вперёд, сквозь зыбкую дымку, туда, где, казалось, бьётся невидимое сердце этой мистической ночи.

Вдруг тишину разрезал резкий шорох – будто кто-то наступил на сухую ветку или прошёл сквозь кусты. Шум был близко. Слишком близко.

Вера вздрогнула и схватила Льва за руку.

– Ты слышал? – её голос был дрожащим, почти шёпотом, но в нём чувствовалась тревога.

– Да. Не стой, пойдём! – быстро ответил Лев, обернувшись по сторонам.

Он повёл её за собой, и они нырнули в сторону, под сенью старых деревьев. В нескольких метрах впереди темнел силуэт заброшенного здания – покосившийся сарай или, может быть, старая сторожка. Стены были из гнилого дерева, дверь держалась на одном ржавом навесе, словно сама при-

рода пыталась стереть это место из памяти мира.

– Сюда! – прошептал Лев и распахнул дверь.

Они юркнули внутрь, и сразу же тяжелый запах сырости и плесени ударил в нос. Воздух был спертым, как в подвале, который никто не открывал годами. Внутри царил полумрак, только сквозь трещины в стенах пробивались тонкие лучи лунного света, создавая причудливые узоры на пыльном полу.

Вера опустилась на колени и попыталась отдышаться.

– Что это было? – сдавленно выдохнула она. – Кто-то за нами следил? Или… животное?

– Не знаю. Но мне это не понравилось. – Лева подошёл к оконцу и, чуть приоткрыв деревянную створку, выглянул наружу. – Туман стал гуще. Как будто что-то скрывает.

Они оба молчали прислушиваясь. Шум не повторился. Но чувство тревоги не покидало. Было ощущение, что мир снаружи затаился, словно ждал чего-то. Или кого-то.

– А если это… монстр? – Вера говорила осторожно, как будто боялась, что даже произнесённое вслух придаст силу

её догадке.

– Не время для догадок, – отрезал Лев. – Сейчас главное – не шуметь. Переждём немного и потом вернёмся.

Он сел рядом с ней. Между ними было напряжённое молчание. И только капли воды, падавшие с потолка в старую жестяную банку, отсчитывали время: кап… кап… кап…

Туман вокруг сгущался, ложась плотным покрывалом на землю и скрывая очертания деревьев и старых построек. Лев и Вера остановились на секунду, настороженно прислушиваясь. Где-то справа, за облупленным корпусом бывшей лаборатории, раздался резкий, как плеть, звук – будто что-то упало или двинулось слишком резко.

– Ты это слышал? – Вера шептала, но в её голосе дрожала тревога.

– Да, – кивнул Лев, сжав кулак. – Идём осторожно. Это может быть кто угодно.

Они двинулись вперёд, шаг за шагом пробираясь сквозь туман, пока перед ними не возник силуэт заброшенного здания с выбитыми окнами и ржавой вывеской, наполовину скрытой мхом. Когда-то здесь, возможно, был склад или мастерская. Теперь же здание выглядело, как застывший при-

зрак прошлого.

– Думаешь, туда? – прошептала Вера, оглядываясь.

– Там есть укрытие, если что. И источник шума был где-то там, – коротко ответил Лев.

Они проскользнули внутрь, стараясь не наступать на осколки стекла и щебень. Внутри пахло сыростью и временем, стены были исписаны выцветшими надписями и рисунками. Где-то в глубине здания мелькнула тень.

Вера вздрогнула.

– Кто здесь?! – крикнула она, пытаясь казаться смелой, хотя сердце билось в груди как бешеное.

Ответа не последовало – только гулкое эхо её слов, прокатившееся по пустым коридорам.

Лев сжал её руку.

– Спокойно. Мы разберёмся.

В глубине заброшенного помещения вновь что-то скрипнуло…

Они подошли к заколоченному окну, через которое пробивались редкие полосы света, и осторожно прильнули к узким щелям между досками. Внутри было темно и пахло гнилыми досками, мокрой пылью и железом. Вера зажала ладонью рот, сдерживая дыхание, а Лев медленно, почти бесшумно, отодвинул одну доску, чтобы лучше видеть.

– Видишь что-нибудь? – еле слышно прошептала Вера, её голос дрожал от напряжения.

Лев не ответил сразу. Его глаза пристально вглядывались в пространство снаружи. Там, за обломками и колючим кустарником, что-то двигалось – словно тень скользила по разрушенному двору, полному мусора и зарослей.

– Там кто-то есть, – наконец проговорил он, почти не шевеля губами. – Или… что-то.

Он почувствовал, как Вера сжала его руку крепче, почти болезненно.

– Это может быть просто зверь… или человек …, или хуже, – она не договорила, проглотив ком в горле. – Нам не стоит здесь оставаться, Лев. Это место… оно какое-то… неправильное.

Лев нахмурился. Его интуиция тоже била тревогу.

– Я тоже это чувствую, – произнёс он тихо. – Слишком тихо, слишком… будто нас уже заметили.

Он снова взглянул наружу – теперь тень исчезла. Лишь покачивались в зарослях тонкие ветви, будто кто-то только что прошёл рядом и скрылся за углом старого ангара.

– Чёрт, – выдохнул Лев. – Она ушла… или прячется.

– Нам надо решать сейчас: остаёмся и следим или уходим, – прошептала Вера, глядя ему в глаза.

– Остаться, – коротко сказал он. – Но будем по очереди наблюдать. Если что – назад, в коридор. Слышишь?

Вера кивнула. Она вздохнула глубоко, стараясь успокоиться, и снова прильнула к щели в досках. Внутри неё всё протестовало против этого плана, но голос Льва звучал уверенно. А значит… значит, надо держаться.

Они прижались к стене, спрятавшись за заколоченным окном, едва дыша. Лев медленно отодвинул одну из досок, чтобы заглянуть внутрь. Глаза его расширились от ужаса. Он резко отпрянул.

– Что ты там увидел? – шепотом спросила Вера, испуганно глядя на него.

– Это… это не может быть… – выдохнул он, проглатывая ком в горле. – Они… они были обычными. Птицы, крысы, кошки… даже собаки. А теперь… это монстры.

Он снова осторожно подался вперёд. Сквозь щель в досках мелькали жуткие силуэты. Когда-то это были знакомые создания: чёрный ворон с блестящими перьями, домашний серый кот с белыми лапками, собака, похожая на дворовую лайку. Но теперь они были искажены. Их тела вытянулись, кожа покрылась пятнами и наростами, лапы стали длиннее, а глаза светились призрачным зелёным светом.

– Они как будто… заражены, – прошептала Вера, вцепившись в его руку. – Словно что-то испортило саму их суть…

Вера и Лёва замерли у стены, стараясь не дышать громко. Сквозь щели заколоченного окна они видели, как из тумана выходили уродливые силуэты. Когда-то это были привычные животные – кошки, крысы, даже воробьи. Но теперь их тела искажены, глаза светились ядовито-зеленым светом, а движения были рваные, судорожные, как будто ими кто-то управлял извне.

– Что с ними… – прошептала Вера, сжав плечо Лёвы.

Лёва сглотнул, не отводя взгляда от чудовищ.

– Это не животные… Не больше. Это… что-то другое. Порченые, – он выдохнул почти беззвучно. – Как будто их искалечила сама тьма.

Вера вжалась в стену, её сердце колотилось так громко, что ей казалось – вот-вот выскочит.

– Почему они такие… Кто это сделал с ними?

– Не знаю… Но если они услышат нас, – Лёва бросил взгляд на дверь, – нам не спастись.

Монстры за окном издавали странные звуки – скрежет, визг, будто смесь металла и боли. Один из них, бывшая собака с разинутой пастью и голой, почерневшей кожей, поднял морду вверх, обнюхивая воздух.

– Он чует… – прошептала Вера, покрывшись мурашками.

– Не двигайся, – резко, но тихо сказал Лёва. Он стоял, напрягая каждую мышцу тела, словно вкопанный. Внутри у него всё горело от страха, но взгляд оставался твёрдым.

Мгновения тянулись бесконечно. Один из монстров подошёл ближе к зданию и царапнул когтями по наружной стене, прямо под их окном. Звук был ужасным – как будто нож провели по стеклу души.

Вера невольно вздрогнула.

– Тише… – прошептал Лёва, прикрывая ей рот ладонью. – Тише, Вера…

Твари, будто услышав что-то, остановились. Один из них повернул голову прямо в сторону окна. Секунда. Другая. Лёва и Вера затаили дыхание.

А потом… монстр издал резкий, свистящий звук и исчез в тумане, уводя остальных за собой.

Тишина. Только капли дождя начали тихо стучать по крыше заброшенного здания.

– Они ушли?.. – с надеждой в голосе прошептала Вера.

Лёва медленно опустился на корточки, тяжело дыша.
– Пока да. Но я не думаю, что это конец.

– Что мы теперь будем делать?

Он посмотрел на неё. Его взгляд был серьёзен, но в нём жила решимость.

– Мы должны найти добрых волшебников, чтобы они все исправили!

Животные-оборотни рыскали по полу, принюхиваясь, словно что-то искали. Один из них – бывший ворон – вдруг резко повернул голову в сторону окна. Он издал пронзительный, рваный крик, от которого у Льва зазвенело в ушах.

– Он нас почувствовал… – прошептал он. – Надо уходить. Немедленно.

Вера не ответила – её глаза застыла в ужасе. Один из существ начал приближаться к окну. Шаг за шагом, скребя когтями по гнилым доскам пола. Тишину прорезал скрип половиц и глухое шипение.

– На счёт три, – выдохнул Лев. – Раз… два…

Но досчитать он не успел. Снаружи послышался звонкий треск ветки и чей-то голос. Монстры взвились, как по команде, и с рёвом ринулись в сторону выхода. Это был их шанс.

– Бежим! – крикнула Вера, схватив Льва за руку, и они сорвались с места, бросившись вглубь ночного тумана, прочь от заброшенного здания, от искажённых теней того, что когда-то было знакомым и безобидным.

Они бежали и бежали, как будто сам воздух за их спинами сжимался в жгучее пламя ужаса. Ноги гудели от усталости, дыхание сбивалось, но Вера и Лёва не останавливались – страх гнал их вперёд, будто невидимая, ледяная рука тянулась за воротник.

– Быстрее, Лёва! – закричала Вера, оглянувшись на мгновение и тут же споткнувшись о корень. Она едва не упала, но Лёва схватил её за локоть.

– Не смотри назад! – рявкнул он, почти теряя голос. – Если обернёшься – они увидят тебя!

Деревья мелькали сбоку, будто живые стены туннеля. Тьма сгустилась, луны не было видно, только слабое мерцание их фонарика бросало дрожащий свет на корни, мох и капли росы. Где-то вдалеке завыли.

– Они всё ещё идут за нами, – Вера задыхалась, хватая ртом воздух. – Я слышу их…, слышу, как лапы царапают землю…

– Ещё немного… там, впереди, кажется просвет! – прокричал Лёва, хватая её за руку крепче. Его сердце колотилось как барабан, а ноги уже почти не слушались. Но он не имел права остановиться.

Под ногами захлюпала болотистая грязь, брызги летели в лицо, но они бежали, словно убегали не от монстров – от самой гибели. Лес шептал зловещим эхом, будто знал, что они здесь, будто заманивал глубже.

– Почему именно мы? – прошептала Вера сквозь всхлипы. – Что мы им сделали?

– Это не мы… – Лёва сплюнул, сжав челюсть. – Это что-то старое. Что-то, что проснулось. И теперь жрёт всё живое.

Позади что-то зашевелилось в кустах. Ветка хрустнула.

Они рванули вперёд с новой силой, преодолевая панический страх. Кажется, тело уже само несло их вперёд, рефлекторно, на инстинктах.

– Там дом! – закричала Вера, указывая на темнеющий силуэт среди деревьев.

– Видишь свет?

– Нет… но хоть крыша над головой!

Они вбежали внутрь, хлопнули старой деревянной дверью, навалились на неё плечами. Сердца гремели, будто барабаны войны.

Несколько долгих секунд они стояли в полной тишине, прислушиваясь.

Снаружи – ни звука.

Вера медленно осела на пол, обняв себя за плечи, дрожащая от холода и страха.
– Мы выжили… пока что…

Лёва оглянулся на старую хижину: пыль, паутина, сгнившие доски.
– Здесь мы можем передохнуть. Но не расслабляйся. Они рядом. Я чувствую.

Он посмотрел в её глаза и добавил хрипло:

– Мы должны найти добрых волшебников. Не можем быть, что Беляна и Полуденица, единственные, кто остался.

Они начали осматриваться, словно потерпевшие кораблекрушение на незнакомом берегу. Старая хижина, в которую они ворвались, пахло сыростью, плесенью и давно забытым временем. В воздухе висел тяжелый, затхлый дух, как в погребе, где не ступала нога человека уже много лет. Тьма обволакивала стены, несмотря на тусклый луч фонарика в руках Лёвы.

– Ты… ты уверен, что тут безопасно? – прошептала Вера, сглатывая ком в горле. Её голос дрожал, как натянутая струна.

– Безопаснее, чем снаружи, – ответил он, всё ещё тяжело дыша. Он медленно водил фонариком по углам комнаты. – Но здесь что-то не так…

Доски под ногами скрипели, будто стонали от чужого присутствия. По стенам тянулись серые пятна влаги, а в углу шевельнулась тень – всего лишь старая штора, вздрогнувшая от сквозняка, но этого было достаточно, чтобы Вера сжалась и вжалась в стену.

– Не нравится мне это место, – пробормотала она, сжав руками плечи. – Словно кто-то нас уже ждал…

Лёва подошёл к покрытому пылью столу. На нём лежал

старый глиняный кувшин и то ли засохший хлеб, то ли… он не стал разглядывать. Рядом валялась книга без обложки, страницы почернели и осыпались от прикосновения.

– Смотри, – тихо позвал он, – кто-то был тут до нас. И не так давно…

Он указал на следы – полоса пыли была нарушена, будто кто-то недавно провёл здесь рукой. В углу стояли две кружки. Одна была наполовину наполнена чем-то тёмным, заплесневелым. Вера подошла, заглянула и поморщилась:

– Это точно не чай…

Она вдруг прислушалась.

– Ты слышал?

– Что?

– Там… словно шаги. Или… капли?

Лёва насторожился. Он подошёл к заколоченному окну, приник к щели между досками.

Тьма. Лес. И… движение?

– Там кто-то есть, – сказал он глухо. – Или что-то.

– Мы не можем тут оставаться надолго, – прошептала Вера. – Это место… оно как ловушка. Оно живое.

– Осмотрим второй этаж. Если есть лестница – может, найдём чердак или окно получше. Надо понять, где мы. Надо придумать, что дальше.

Он взял её за руку, и на секунду оба почувствовали: они живы. Пока ещё живы.

– Главное – не паниковать, – сказал он, хоть и чувствовал, как сердце бьётся под рёбрами с такой силой, что, казалось, может вырваться наружу.

– Ага, – Вера горько усмехнулась. – Ты только скажи это моим дрожащим коленям…

Они медленно двинулись дальше, каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Дом был тёмным лабиринтом прошлого, и никто не знал, что именно может ждать за следующим поворотом.

Глава 4. За светом.

В тусклом свете фонарика тьма вдруг будто дрогнула – и из неё медленно вышел невысокий старик. Его появление было таким неожиданным, что Вера вскрикнула и отшатнулась, а Лёва инстинктивно поднял металлическую трубу, найденную в хижине.

Старик не спешил, шагал медленно, как будто каждая ступень давалась ему с усилием, но в его движениях не было страха. Его длинная, спутанная борода свисала почти до пояса, а из-под старого капюшона поблёскивали глаза – странные, светлые, будто отражающие не фонарик, а какое-то собственное свечение. Его одежда была обветшалой: длинный плащ в заплатах, сапоги, потерявшие форму, и маленькая сумка через плечо, из которой что-то тихо позвякивало при каждом шаге.

– Кто… вы? – первой нарушила молчание Вера. Её голос дрогнул, и она чуть не пожалела, что заговорила: в тишине её слова прозвучали слишком громко.

Старик поднял голову, и на его лице появилась едва заметная, усталая улыбка.

– Я тот, кого давно никто не ждал, – произнёс он хриплым, но удивительно спокойным голосом. – А вы, похоже, те, кто всё ещё ищет.

Лёва не опустил трубу, но сделал шаг вперёд, заслоняя сестру.

– Мы никого не ищем, – сказал он жёстко. – Мы просто хотим выбраться отсюда живыми.

– Ах… живыми… – Старик чуть склонил голову, словно размышляя над этим словом. – Странное желание для тех, кто уже заглянул в сердце забытого города.

Вера переглянулась с братом.

– Вы знаете, что здесь происходит? – спросила она, чуть осмелев. – Эти… твари. Они раньше были животными. Кто сделал их такими?

Старик медленно подошёл ближе. Его глаза сверкнули мягким светом.

– Город помнит всё, дитя. Даже то, что люди решили забыть. Магия не умирает, она лишь ждёт, пока её позовут. А вы… вы уже позвали.

Лёва нахмурился, сжимая трубу крепче.

– Если вы знаете, как это остановить, говорите прямо. Мы не будем слушать загадки.

Старик слегка рассмеялся – смех был низким и глухим, будто эхом из подземелья.

– Чтобы остановить, нужно сначала понять, что именно вы разбудили, – сказал он. – Но… может быть, именно вы и есть те, кто сможет вернуть чудо. Если, конечно, у вас хватит смелости.

Вера почувствовала, как внутри у неё что-то дрогнуло:

смесь страха и странной надежды.

– Вернуть… чудо? – тихо повторила она.

– Да, – старик кивнул, а затем его взгляд вдруг стал серьёзным, почти суровым. – Но чудо всегда требует цены. Готовы ли вы заплатить её?

Лёва бросил быстрый взгляд на сестру, и сказал твёрдо: – Мы заплатим. Если это спасёт всех.

Старик улыбнулся чуть шире, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

– Тогда идите за мной. Город ждёт.

– Но кто вы, дедушка? – первой спросила Вера, всё ещё недоверчиво глядя на странного старика. Его светящиеся глаза и длинная борода вызывали одновременно и страх, и странное чувство… будто он знаком, хоть они видят его впервые.

Старик слегка поклонился, касаясь ладонью груди.

– Я домовой, – сказал он низким, чуть хриплым голосом. – Зовут меня Прохор. Когда-то я следил за домами людей, чтобы в них был уют и порядок. Но теперь домов нет… и мой долг другой.

Лёва прищурился, сжимая металлическую трубу, словно не мог позволить себе расслабиться.

– Домовой? Вы… из сказок?

– Всё, что называют сказками, когда-то было правдой, – мягко усмехнулся Прохор. – А теперь правда прячется под землёй, а сказки бродят по улицам.

Вера шагнула ближе.

– Куда мы идём?

Прохор посмотрел на неё так, словно хотел убедиться, что она действительно хочет услышать ответ.

– Увидите, – наконец сказал он и подошёл к стене хижины. Его рука, сухая и жилистая, с длинными пальцами, коснулась потрескавшейся доски. – Но предупреждаю: путь будет непростым.

Он постучал трижды – и стена дрогнула, как вода от лёгкой ряби. Доски будто расслоились, открывая тёмный проём, откуда потянуло прохладой и запахом старого камня.

Вера ахнула.

– Потайной ход?

– Не всё, что скрыто, злое, – тихо сказал Прохор. – Иногда тайное – единственный способ сохранить добро.

Лёва, всё ещё держа трубу наготове, бросил взгляд на сестру.

– Ты уверена, что нам стоит туда идти?

– А у нас есть выбор? – Вера ответила вопросом на вопрос.

Прохор лишь усмехнулся уголком губ.

– Всегда есть выбор. Но некоторые дороги выбирают вас, а не наоборот.

Он шагнул в проём, и его фигура сразу окуталась мягким сиянием, исходящим откуда-то изнутри. Лёва и Вера переглянулись и, почти одновременно, шагнули за ним.

Вера и Лёва, торопясь, оставили свои шлемы в доме. Они

даже не заметили, как захлопнулась за ними дверь – так сильно их увлекло желание догнать Прохора.

– Может, всё-таки вернёмся за ними? – с сомнением прошептал Лёва, оглядываясь на покосившийся крыльцо. – Без шлемов как-то… не по себе.

Вера резко покачала головой. В её глазах горел тот самый огонёк упрямства, который Лёва знал с самого детства.

– Нет, времени нет, – твёрдо сказала она. – Прохор не станет ждать, он уже ушёл вперёд. Если мы задержимся, потеряем его след.

Лёва нахмурился, проводя рукой по волосам, словно хотел пригладить несуществующую каску. Ему явно было не по себе, и он старался скрыть это.

– Ты всегда так говоришь, – буркнул он. – А потом мы оказываемся в какой-нибудь передряге.

– Ну и что? – Вера прищурилась, поднимая подбородок. – Разве мы хоть раз не выбрались?

Он хотел возразить, но вдруг из-за изгиба дороги донёсся знакомый, резкий звук шагов. Прохор шёл быстро, не оборачиваясь.

– Смотри, вот он! – Вера чуть не сорвалась на крик, но тут же прижала ладонь к губам. – Тише… Если он нас услышит, может…

– Может что? – с подозрением спросил Лёва, но сам сделал шаг вперёд, стараясь ступать мягко, как кот.

Они двинулись за Прохором. Вера чувствовала, как серд-

це гулко бьётся в груди, а ладони начинают потеть. Каждый шаг без защитного шлема казался слишком опасным, будто воздух вокруг стал тяжелее и острее.

Прохор шёл уверенно, не оглядываясь, словно знал, что за ним могут следить, и даже хотел этого.

– Ты заметил? – тихо прошептала Вера. – Он специально идёт медленнее. Ждёт, чтобы мы догнали.

– А может, заманивает, – мрачно отозвался Лёва, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

И всё же они продолжали идти следом, затаив дыхание, будто невидимые нити тянули их за Прохором всё дальше и дальше.

Внутри тянулся длинный каменный коридор. Стены были неровными, словно их вырубили вручную много веков назад. По ним медленно стекала вода, отражая свет фонарика мерцающими бликами. Воздух был прохладным и пах чем-то древним – смесью сырости, пыли и… магии.

– Здесь… странно, – прошептала Вера, оглядываясь. Её голос отразился эхом, будто сам коридор хотел повторить её слова. – Такое чувство, что он живой.

– Он и есть живой, – ответил Прохор, не оборачиваясь. – Эти ходы строились не руками, а волей. И пока воля жива, они ведут туда, куда нужно.

Лёва нахмурился.

– А куда «нужно»?

Прохор слегка повернул голову, и в его глазах сверкнуло

мягкое, но загадочное сияние.

– К сердцу магии. Туда, где чудо ещё дышит.

Они шли и шли, и казалось, что этот коридор не имеет конца. Каменные стены, неровные и влажные, светились приглушённым голубоватым светом – не от фонарика, а будто сами источали слабое сияние. Каждый их шаг отдавался глухим эхом, которое возвращалось странным образом: будто шагов становилось больше, чем двое могли издать.

– Ты слышишь? – тихо спросила Вера, сжимая руку брата. – Как будто кто-то идёт рядом.

Лёва прислушался и нахмурился.

– Может, это эхо?

– Эхо не дышит, – сказала она шёпотом, и её слова прозвучали слишком правдоподобно.

Прохор шёл впереди, его длинная борода чуть колыхалась при каждом шаге, а маленькая сумка на боку тихо позвякивала, будто в ней лежали стеклянные шарики. Он не оборачивался, но, кажется, слышал их разговор.

– Коридор слушает вас, – сказал он спокойно, не замедляя шаг. – Здесь ничего не повторяется просто так. Если слышите дыхание – значит, кто-то хочет, чтобы вы его услышали.

Вера побледнела.

– А кто это может быть?

– Не обязательно враг, – Прохор пожал плечами. – Иногда это сама память города.

Лёва нахмурился ещё сильнее.

– Мне это не нравится. Слишком много «иногда». Слишком много загадок.

– А ты ждал, что чудо будет простым? – усмехнулся Прохор, не оборачиваясь. – Оно всегда страннее, чем мы готовы принять.

Коридор вдруг начал меняться. Потолок стал выше, а стены начали покрываться вырезанными символами. Некоторые светились мягким янтарным светом, а другие, наоборот, казались поглощать свет вокруг себя, оставляя маленькие тёмные пятна.

Вера провела пальцами по одному из знаков – он был тёплым на ощупь, как живая кожа.

– Лёва… они дышат.

Брат резко дёрнул её за руку.

– Не трогай! Кто знает, что это вообще такое.

Прохор хмыкнул.

– Эти символы хранят голоса тех, кто строил эти ходы. Город помнит своих создателей.

– А если они не рады, что мы здесь? – буркнул Лёва.

– Тогда, – сказал Прохор, и его голос впервые стал серьёзным, – они уже давно бы вас проглотили.

С этими словами он поднял руку, и впереди показался лёгкий золотистый свет.

– Ещё немного. Мы почти пришли.

Вера почувствовала, как внутри неё поднимается странное чувство: смесь страха и надежды.

– Что там, Прохор? Что за дверью?

Домовой обернулся впервые за всё время пути. Его глаза светились мягче, чем прежде, но в них скрывалась тяжесть.

– Там сердце города, – сказал он. – Место, где чудо спит.

Лёва шагнул ближе, сжимая трубу в руке, словно это могло его защитить.

– А если оно проснётся не таким, каким мы его ждём?

Прохор чуть улыбнулся, но без радости.

– Оно никогда не бывает таким, каким его ждут.

Стена, к которой они подошли, выглядела такой же, как и остальные: грубый камень, трещины, покрытые мхом. Но когда Прохор приложил к ней ладонь, коридор будто затаил дыхание. Камень мягко дрогнул, и по нему побежали светящиеся линии, складываясь в замысловатый узор. Затем стена, словно сделанная из воды, волной разошлась в стороны, открывая проход.

– Вот это… – выдохнула Вера, не веря своим глазам. – Ты видел? Она… живая!

Лёва, всё ещё не отпуская металлическую трубу, хмуро кивнул.

– Я уже перестал удивляться.

– И правильно, – тихо сказал Прохор, проходя первым. – Здесь удивление быстро превращается в страх.

Они шагнули за ним и замерли.

Перед ними раскинулась огромная библиотека. Потолок терялся в темноте, а высокие полки уходили ввысь, словно

стены бесконечного леса. Книги были всюду: старые фолианты в кожаных переплётах, свитки, связанные бечёвкой, и даже странные кристаллы, внутри которых клубились туманные буквы. Воздух был густым, пахнул пылью, свечным воском и чем-то… живым, будто сама библиотека дышала.

– Это… – Вера сделала шаг вперёд и почти шёпотом добавила: – …красиво.

– Красиво и опасно, – ответил Прохор. Его голос в этом месте стал тише, уважительнее. – Это Сердце Города. Здесь спит его память.

Лёва с подозрением оглядел полки.

– А почему всё такое… целое? На поверхности же всё разрушено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.